

РУССКИЙ ВИРАЖ

КУДА ИДЕТ
РОССИЯ?

Николай
Злобин
Владимир
Соловьев

Соловьев Владимир: Провокационные книги

Владимир Соловьев

Русский вираж. Куда идет Россия?

«ЭКСМО»

2014

Соловьев В. Р.

Русский вираж. Куда идет Россия? / В. Р. Соловьев — «Эксмо», 2014 — (Соловьев Владимир: Провокационные книги)

ISBN 978-5-699-73222-7

Эта книга – о сегодняшней России. Куда и почему она движется? Какие у нее возможности, проблемы, перспективы и шансы? На что сделал ставку президент Владимир Путин, придя на третий срок? Сегодня многим кажется, что наступает русская весна. Но появляются новые серьезные вопросы. Станет ли крымская история поворотной точкой развития новой России и всей мировой политики? Нарастает новое резкое противостояние между Россией и Западом. Чем это чревато для обеих сторон? И вопрос, не закончится ли русская весна новыми заморозками, не случится ли разворот обратно в зиму, причем как в самой России, так и во всем мире, пока остается открытым... Другими словами: куда ведет Россию новый вираж?

ISBN 978-5-699-73222-7

© Соловьев В. Р., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

От авторов	5
Конец тандема	6
Рокировка	6
Куда податься бизнесмену в России?	10
Тандем: Неудачный эксперимент	14
Политический перформанс	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Рудольфович Соловьев, Николай Васильевич Злобин Русский вираж. Куда идет Россия?

От авторов

Мы пишем эту книгу в момент развития кризиса на Украине и нарастания острого противостояния между Россией и Западом. Но наша книга не про события на Украине, хотя о них мы тоже говорим. Наша книга о сегодняшней России. Про то, куда и почему она движется, какие у нее возможности, проблемы, перспективы и шансы. Станет ли возвращение Крыма поворотной точкой развития новой России и мировой политики? Сегодня многим кажется, что наступает русская весна. Так ли это? И если это так, то будет ли эта весна продолжительной, не закончится ли новыми заморозками, не случится ли разворот обратно в зиму, причем как в самой России, так и во всем мире – поиску ответов на эти вопросы мы посвящаем нашу книгу.

Москва – Вашингтон, февраль – апрель 2014 г.

Конец тандема

Рокировка

Осенью 2011 г. десять тысяч человек собрались в Москве, чтобы утвердить список «Единой России» на выдвижение в Государственную думу. Речь, как всегда, шла о партийной тройке, но в этот раз бюллетени были довольно странными: под номером один никто не был указан – стоял прочерк. Десять тысяч человек приехали из разных городов. Конечно, как всегда бывает на такого рода мероприятиях, ряд речей был заготовлен заранее. Атмосфера была приподнятая. Как-никак, съезд – это всегда съезд, тем более правящей партии.

Именно в этот момент особенно часто заходили разговоры о том, что же будет потом, пойдет ли Дмитрий Анатольевич на второй срок, или вернется Владимир Владимирович, или вдруг появится некий третий кандидат. Путин интриговал западное сообщество фразами «вам понравится», Медведев говорил о том, что ему нравится заниматься президентской работой, но каждый подчеркивал, что у них очень хорошие отношения друг с другом и полное взаимопонимание.

Речь о третьем кандидате в том или ином виде заводилась не раз, хотя и тут звучало плохо замаскированное признание приоритета мнения Путина. Вроде как если Путин захочет, то, может быть, будет и кто-то третий. Кого только ни называли этим третьим – начиная от Валентины Матвиенко, которая, услышав это предположение от Алексея Венедиктова, схватилась за сердце и сказала: «Боже, Боже, не говори так!» – и заканчивая кандидатурой Дмитрия Козака. Но по большому счету это как раз была такая ситуация, когда в качестве третьего можно было назвать человек двадцать, и все понимали, что при желании Путина кандидатом мог быть выдвинут любой из них.

Одного из сотрудников администрации президента Медведева спросили: кто, по его мнению, пойдет на президентские выборы? Он ответил очень философски: «Посмотрите на график. У президента график рабочий, у премьера – избирательный». Действительно, президент постоянно находился в рабочих поездках, количество их было феноменальным, и понять, каким образом человек, пусть даже тренированный, пусть даже относительно молодой, способен выдержать эти бесконечные перелеты и напряжение, было сложно.

В свою очередь, график премьера был в гораздо большей степени, если можно так выразиться, рассчитанным на восприятие широкой аудитории. И конечно, в итоге это не могло не сказаться и на рейтингах каждого из политиков. Традиционно рейтинг Путина был чуть выше; в какой-то момент казалось, что рейтинг Медведева может подняться до сравнительно близких значений, но летом 2011 года, после изменения графиков тандема, стало ясно, что разница по крайней мере перестала сокращаться.

Но любые домыслы приобрели совершенно иное звучание после того, как эти два человека поразили воображение всей страны. «Мы посоветовались и хотим довести до вашего сведения, что я решил возглавить партию «Единая Россия» на выборах, – сказал Медведев, – выдвинуть в кандидаты на должность президента Путина Владимира Владимировича, а в случае его победы на выборах я хотел бы заняться практической работой и стать премьер-министром».

Наверное, если бы сообщение ограничилось только этим, отношение было бы несколько иным. Но Дмитрий Анатольевич пояснил, что, оказывается, о такой рокировке они с Путиным договорились еще четыре года назад. Возник справедливый вопрос: почему же партия, лидеры которой, оказывается, договорились о чем-то еще четыре года назад, ничего не знает, а десять тысяч человек пришли, чтобы посмотреть на прочерк в бюллетенях?

Нет, конечно, с позиции любой партии более чем разумно, когда заранее честно объявляется: этот человек поведет партию на выборы, а того мы увидим кандидатом в президенты. Это благородно, цивилизованно, и, пожалуй, было бы даже хорошо, если бы каждая из политических сил, идущих на выборы, поступала таким же образом. Тем более что «Единая Россия» действительно претерпела большое количество демократических изменений, начиная с самого, пожалуй, важного – идеи проведения праймериз, которая резким образом сокращала возможность «денежных мешков» покупать места в партии.

Плюс – путинская идея «Народного фронта», которая тоже не могла не повлиять благотворно на состав кандидатов в депутаты, поскольку большое количество людей, которые по тем или иным причинам не хотели ассоциироваться с партией «Единая Россия», как, например, доктор Леонид Рошаль, получили возможность тем не менее объединиться под именем Путина и участвовать в парламентской кампании.

И все же возникла легкая неловкость. Несколько раз после этого президент Медведев, пользуясь средствами массовой информации, пытался объяснить свой поступок – то в беседе с руководителями телевизионных каналов, то с блогерами, и каждый раз суть сводилась к тому, что «мы давние друзья, мы ведем единую политику, но рейтинг у Путина был чуть выше». Ну конечно, рейтинг у Путина был чуть выше, и тому есть как объективные, так и субъективные причины. Однако в любом случае довольно странно мерить рейтинг до начала собственно избирательной кампании. Да и Запад отнесся к ситуации без достаточного понимания – не случайно Кондолиза Райс высказалась об этой рокировке в высшей степени негативно, заявив, что демократия превращена в России в пародию на самое себя.

Решение Путина и Медведева поменяться местами выглядело с одной стороны очевидным, а с другой – достаточно неожиданным. Не то чтобы Путин не вызывал доверия – рейтинги и опросы по-прежнему были очень высокие. И не то чтобы Медведев сказал что-то не так. Просто казалось, что Медведев скорее ассоциирует себя с какой-то иной силой. Конечно, после того как он сказал, что он плоть от плоти «Единой России», вопросы отпали. Однако до этого вся риторика была скорее направлена на необходимость модернизации партии и борьбу с чиновничеством в «Единой России».

За все годы президентства Медведева теория, что он может просто формально поменяться с Путиным местами, практически не обсуждалась, и то, как повернулись события, оказалось большой неожиданностью для российской политической элиты, а главное, для тех неформальных центров силы, которые привыкли осуществлять реальное управление страной через правительство. Медведеву пророчили либо второй президентский срок, либо должность в сфере внешней политики, безопасности, в судебной системе, преподавательскую деятельность или представительство в какой-либо международной организации. То, что он вдруг займет пост главы правительства, многих повергло в настоящий шок.

Сентябрь 2011 года стал началом новой эры в российской политике. Оказалось, что в России одновременно появились две «хромы утки» – в роли одной из них выступало правительство, а другой – администрация президента. Было совершенно очевидно, что при переходе Медведева в Белый дом, а Путина в Кремль простой замены вице-премьеров на заместителей руководителя администрации президента и советников президента не произойдет.

Спокойней всех себя чувствовал Сергей Собянин, который вовремя успел выйти из состава правительства и оказаться мэром Москвы. Но ряд людей ощутили себя крайне неуверенно, а некоторые позволили себе довольно непродуманные заявления. При этом эмоциональный комментарий Аркадия Дворковича в *Twitter* по поводу выдвижения Путина в президенты не повлек за собой никаких административных шагов, а вот после того как Алексей Кудрин заявил из-за границы, что он не видит себя в составе правительства под руководством нового премьера Медведева, последовало очень и очень жесткое выяснение отношений, неоднократно транслировавшееся по телевидению и послужившее потом основой для многих анек-

дотов. Однако эмоции Алексея Леонидовича и людей из его ближайшего окружения никак нельзя было назвать анекдотичными.

Еще один любопытный нюанс: в этот момент в Кремле произошла смена «серых кардиналов». Когда должность Владислава Суркова занял Вячеслав Володин, это ознаменовало принципиальное изменение во внутренней политике. Подход Володина технологически кардинально отличается от подхода Суркова. И это отличие отразило в первую очередь изменение настроений Путина – ведь очевидно, что смена людей из столь близкого круга, так сильно влияющих на внутреннюю политику, невозможна не только без личного одобрения президента, но и без изменения его внутреннего состояния.

В сентябре 2011 года собрался так называемый Ярославский форум, который принято ассоциировать с Дмитрием Медведевым – там Медведев обычно делает важные заявления, выступает с мировоззренческими речами, приглашает разнообразных гостей, лидеров российской и мировой элиты, которые тоже выступают с речами или, по крайней мере, комментируют то, что сказал Медведев.

Форум существует уже несколько лет, один из авторов является его постоянным участником и играет там достаточно активную роль. В 2011 году форум прошел до того как было объявлено о перестановке в тандеме, так что интрига сохранялась. Тема форума была: «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности». Надо сказать, Медведев выступил там с весьма либеральной речью. Это было крайне интересно, потому что, по всей видимости, к этому моменту вопрос о том, кто станет следующим президентом России, был уже решен.

Ярославский форум вообще напоминает огромную драматическую сцену, на которой российские эксперты и представители истеблишмента выступают перед мировым сообществом. В тот год сцена оказалась трагически вырвана из-под ног участников – накануне их приезда разбился самолет с ярославской командой «Локомотив», и город был в трауре. Более того, форум проходил в штаб-квартире этого ярославского клуба, и, конечно, все там напоминало о трагедии. Разумеется, это отразилось и на настроении участников Ярославского форума, включая Медведева, который, прилетев в Ярославль, сразу отправился на место катастрофы, и лишь оттуда поехал на форум. Видно было, что он совершенно раздавлен случившимся, и в столь же ужасном психологическом состоянии находилась вся его команда.

Тем не менее, Медведев собрался и произнес очень интересную речь, притом говорил, безусловно, по-президентски, а не как премьер-министр, изложив свое видение эволюции российского государства как минимум на ближайшее десятилетие. Одно из положений речи прозвучало почти революционно; смысл его сводился к тому, что в России государство должно двигаться за обществом, а не общество за государством.

Это крайне принципиальная вещь, абсолютно западная, американская, если угодно, постановка вопроса. К сожалению, выступление не вызвало в обществе достаточного резонанса и по большому счету оказалось быстро и незаслуженно забыто – атмосфера недавней трагедии сыграла свою печальную роль, – однако в целом складывалось впечатление, что Медведев выступал, не думая о том, что через две недели он вдруг окажется кандидатом на пост премьер-министра.

При всем том Ярославский форум нагляднейшим образом продемонстрировал то, с каким поразительным чутьем российские чиновники реагируют на малейшие изменения в политической среде. По сравнению с предыдущими форумами в 2011 году в Ярославль приехало очень мало представителей российского истеблишмента – выглядело это так, словно Медведева уже сбросили со счетов.

Годом раньше буквально за несколько дней до отставки на Ярославский форум приехал Юрий Лужков – никто еще ничего не знал, Лужков еще оставался всемогущим мэром Москвы, одним из самых влиятельных людей в стране, да и вообще в России. Юрий Михайлович ходил

по заполненному людьми фойе, а вокруг него в радиусе двух метров было пустое пятно, которое передвигалось по помещению вместе с ним. И даже в забитом под завязку зале, где люди стояли вдоль стен и сидели на ступеньках, около Лужкова было два свободных места – никто не хотел сидеть с ним рядом, пока организаторы не посадили туда иностранцев, которым было все равно. И по этому отношению элиты было видно, что Лужков обречен.

Форум 2011 года создавал ощущение дежавю: опять-таки ничего не было известно, Медведев чувствовал себя довольно уверенно, но то, как участники форума смотрели на Дмитрия Анатольевича и слушали его, недвусмысленно сигнализировало, что его шансы резко сокращаются, хотя, разумеется, никто ничего не мог бы сказать с определенностью. К примеру, во время выступления Медведева министр иностранных дел Сергей Лавров давал в фойе интервью одному из российских каналов, и выглядело это поразительным и откровенным пренебрежением – в конце концов, можно было дать это интервью в Москве, или пусть даже в Ярославле, но через полчаса. Большинство министров и многие лидеры партий вообще не приехали на форум – иными словами, было ясно, что Медведев как президент уходит в политическое небытие, и хотя никаких объявлений на этот счет не было сделано, призрак политической смерти уже витал над ним.

Куда податься бизнесмену в России?

Что показал результат существования тандема в России? Самое главное – можно уверенно сказать, что этот опыт скорее неудачный. За время президентства Дмитрия Медведева не случилось качественного сдвига – не произошло изменение и улучшение политической системы, атмосферы в обществе, экономической ситуации. С другой стороны, нельзя не отметить, что Россия за счет слаженной работы Думы, президента и правительства легче всех из развитых стран на том этапе прошла мировой кризис, хотя входила в него в наихудшем из них положении, и вышла с фантастическими макроэкономическими показателями – которые, правда, не сильно радуют рядового россиянина, потому что он не видит, чем это принципиально влияет на его жизнь. Заметно только то, что не стало совсем плохо – нет галопирующей инфляции.

Мы не раз говорили о том, что институт частной собственности в России так и не утвердился. И это мешает формированию и правильного менталитета, и политической культуры, и гражданского общества. Это взаимосвязанные вещи. Частная собственность, суд, демократия – это треугольник, который всегда существует вместе и одновременно. Суд нужен, чтобы защищать частную собственность, демократия нужна для обеспечения существования независимого суда. Потому что демократия работает только при наличии независимого суда, который работает для защиты частной собственности.

Кто в России сегодня может наладить разумное производство? Либо родной брат губернатора, либо его жена, либо дети. Любой другой вариант практически невозможен. При этом государство пытается помочь отдельным отраслям, и результаты бывают вполне позитивными – например, в сельском хозяйстве. Как только государство обратило на него внимание, начался настоящий бум.

Надо сказать, что ни в СССР, ни в постсоветской России до последнего времени не было такого резкого прорыва в этой сфере. Туда пошли огромные инвестиции – да, в нарушение правил ВТО, да, с коррупцией, откатами и т. д. Но как бы то ни было, они привели наконец к появлению некоего подобия эффективного сельскохозяйственного производства, пусть и с огромными провалами, проблема постепенно решается, министр сельского хозяйства больше не «расстрельная должность», как шутили в Советском Союзе, Россия начинает потихоньку вытеснять экспортные продукты отечественными и даже активно продает зерно и прочую продукцию за рубеж.

При всем том трагедия такого подхода очевидна. Во-первых, государство убеждается в том, что нет никакой частной инициативы, это все миф. Мы обеспечим помощь сельскому хозяйству, мы обеспечим помощь военно-промышленному комплексу, выдав 20 триллионов рублей до 2020 г. через вице-премьера Рогозина, и давайте развиваться. Но ведь это все равно несовременный подход. Государство не занимается созданием среды, а просто само начинает говорить, кто хороший, а кто плохой.

Если взять пример из области демографии, то вместо того чтобы создать условия, способные обеспечить взрыв рождаемости, государство как бы регулярно занимается ЭКО, каждый раз говоря людям: не любите друг друга, не встречайтесь, не рожайте детей – сейчас мы сделаем операцию, искусственно вас оплодотворим; правда, мы не знаем, каким получится этот ребенок, но вы не волнуйтесь, мы все равно все сделаем сами, вам в таких сложных вопросах доверять нельзя.

Во-вторых, когда мы говорим о роли государства в развитии сельского хозяйства или экономики в целом, речь на самом деле идет о конкретных чиновниках, которые принимают решения от имени государства, не обладая сами этой собственностью и не неся лично финансовой ответственности за те решения, которые они принимают. При распределении государ-

ственных средств у чиновника появляется огромный соблазн, поскольку он распределяет, как известно, не свои деньги и в их распределении не обязательно исходит из экономической целесообразности. В любом случае само субъективное право чиновников распоряжаться государственными деньгами по сути является основой коррупции, взяток, откатов и т. п.

Россия – редкая страна, в которой существуют по крайней мере две валюты. С одной все понятно – это рубли, доллары, евро. Вторая же гораздо более ценна – это разрешение. Действует своего рода политика двух ключей. У тебя может быть сколько угодно денег, но если тебе не дали добро на проведение той или иной операции, даже не надейся ее осуществить. Ни один крупный актив нельзя купить, не получив предварительно «добро» на приобретение этого актива, неважно, есть деньги или нет. Метод, конечно же, абсолютно дикий, непонятный и странный. Доходит до того, что зачастую западные министры просят руководителя страны выступить в роли «крыши», чтобы не допустить наезда и отбора собственности со стороны нерадивых или слишком ретивых подчиненных.

Самое интересное, что именно эту проблему ни один из кандидатов в президенты и ни одна из партий даже не попытались озвучить, видимо, полагая, что можно плохого конкретного чиновника заменить на хорошего, и все будет замечательно. По-прежнему считается, что есть абсолютные меры, применение которых все исправит.

Так что если рассматривать тандем как экстренное средство для преодоления кризиса и принятия жестких экономических решений, то краткосрочно он дал положительные результаты. Но если рассматривать его как форму государственного устройства, то можно сказать, что эта форма работает скорее негативно.

Экономические задачи во многом оказались заложниками внутренних задач: не позволить себя рассорить, не создавать внутренней конкуренции. Результат – замораживание и зачистка политической поляны: не в плане уничтожения политических конкурентов, а в плане создания неравновесных конкурентных условий по доступу к СМИ, а главное – по восприятию критики. СМИ стали превращаться во что угодно, но только не в четвертую власть, – никого не волновало, что говорят журналисты. И сами они никаких «расследований» не проводили: ценилась только личная преданность и попытки не вскрыть нарушения, а угадать, к каким последствиям это приведет – поссорит или не поссорит тандем.

В итоге возникли два «клуба неприкасаемых», и возможность получения «крыши» от одного из этих клубов привела к полному отсутствию реальной борьбы с коррупцией, дикому разрастанию голодного чиновничества – голодного не в том смысле, что ему нечего есть, а в том, что его жадность переходит все границы. Поэтому СИЗО и тюрьмы забиты предпринимателями, у которых отбирают заводы и в принципе любые прибыльные предприятия, притом в роли рейдеров выступают структуры, от которых прежде такого никто не мог ожидать.

Примером стала, в частности, история, потрясшая весь деловой мир, – попытка отобрать аэропорт Домодедово. В роли рейдеров там и вовсе выступали высшие эшелоны российской власти, выступившие с предложением немедленной национализации хорошо работающего, эталонного бизнеса. Таких явлений не было в предыдущие годы, и то что при президенте Медведеве рейдерство дошло до такого уровня, конечно, сильно ударило и по морали общества, и по уверенности бизнеса в своих возможностях и правах, в частности в праве собственности.

Стало понятно, что защититься не может вообще никто, надо откупаться, появилась обширная когорта так называемых «хороших ребят», которые приходят и говорят: «Я помогу вам решить вашу проблему», – то есть возник еще целый класс паразитов, «промежуточных людей», которые за определенный откат, политические или финансовые уступки помогали бизнесменам разрешить их проблемы с государством или чиновниками.

Иными словами, в России предприниматели фактически превратились в изгоев. Не стыдно быть ученым, не стыдно быть чиновником, не стыдно быть сотрудником «Газпрома», не стыдно быть сотрудником западной компании, хотя и возникают мысли: «Бедный, что ж

ты так мало зарабатываешь», – не стыдно быть даже вором в законе; сотрудником полиции быть как-то не очень ловко, но самое позорное – это быть предпринимателем: «Надо же, а со стороны казался таким приличным человеком». Особенно если ты не олигарх – тогда ты просто мелкий жулик. Нет, если ты аккуратненько, как говорится, «и еще на стороне немножечко шьешь» – вопросов нет. Это нормально.

На различных телеканалах, в том числе государственных, в течение многих лет формируется негативный образ бизнесмена как человека, который, если есть возможность, обязательно сворует или не заплатит налоги. Вывод: предприниматели – это самый социально ненадежный элемент, они нуждаются в обязательном контроле государства, иначе попросту обдерут нас всех как липку.

В результате страдает нормальный, честный, простой средний предприниматель, который не ворует, платит налоги и при этом даже не получает никакой общественной поддержки. И суд, который оправдает бизнесмена, будет подвергнут сильнейшему остракизму – потому что если ты оправдал бизнесмена, значит, он тебя купил. Бизнесмен превращается в дойную корову и для полицейских на улице, и для чиновников всех мастей, и для менеджеров разного рода организаций.

Понятия «оптимизация налогов» не существует. Если ты оптимизируешь налоги, значит, ты от них уклоняешься и нарушаешь закон. В России вообще очень живуча интересная логика: если ты ходишь пешком, то каждый, кто на «жигулях», в твоих глазах – вор. Если ты едешь на «жигулях», то вор каждый, кто ездит на «форд-фокусе». Если ты на «форд-фокусе», а мимо катит человек на «мерседесе», то уж он точно ворюга. А если, не дай Бог, у него яхта или самолет – о какой его честности может идти речь, не рассказывайте сказок!

Человек, который утром в воскресенье встает в автомобиле в вечной московской пробке, думает: «Ну ладно, я-то еду по делам, а эти все куда?» Точно так же бизнесмен, глядя вокруг, думает: «Ну ладно, я заработал честно, но вот эти все не могли же заработать честно? Особенно те, кто богаче меня».

На самом деле это серьезная государственная проблема. Нелюбовь к бизнесу и бизнесменам, подозрение, что все они жулики, обесценивает саму идею рыночной экономики в России и позволяет всем силовым структурам при полном общественном не то чтобы одобрении, но уж точно попустительстве «наезжать» на предпринимателей – мол, так им и надо, с учителей и врачей взять нечего, а бизнесмен не развалится. Даже если работает 24 часа в сутки и тратит все свои деньги на развитие бизнеса, «наехать» на него не грех.

Яркий пример отношения к бизнесу – отношение к банкам. Что значит – взять у банка деньги в кредит? Как? Их еще и возвращать надо? Банкиры что, вообще с ума сошли? Им еще и проценты нужно платить? Никакого понимания обязательств, никакой культуры подобного рода нет, есть только страх. Поэтому очень распространены, в том числе среди предпринимателей, попытки «кинуть» – договориться с кем-нибудь внутри банка, сделать ему откат и «кинуть». Но никто не мыслит цивилизованными категориями. Нет культуры зарабатывания, нет культуры уважения к богатству.

Однако невозможно построить нормальную экономику и создать здоровую, направленную на развитие страны эффективную рыночную систему ценностей, если бизнесмен не является ролевой моделью, как, скажем, Билл Гейтс, Стив Джобс или Уоррен Баффет, если учителя в школах не рассказывают о жизненном пути успешных предпринимателей, а, наоборот, учат ни в коем случае такими не становиться. Конечно, государству легче управлять экономикой, где бизнесмены зависимы. Можно позвонить и сказать: «Дай мне 10 миллионов на выборы губернатора в этой области и пять миллионов на выборы мэра в том городе». Со свободными бизнесменами так поступить нельзя, особенно если они имеют возможность получить общественную поддержку.

Интересно еще то, что в России сейчас существует несколько организаций, занимающихся якобы интересами предпринимателей. Но есть ощущение, что они понимают эти интересы очень по-своему и не имеют никакого отношения к реальным предпринимателям. Это либо чиновники от бизнеса, либо очень приятные люди, деятельность которых сводится к формуле «плачьте с нами, плачьте как мы, плачьте лучше нас», потому что никакого влияния и возможностей у них нет.

Государство пока что мыслит понятиями разовых инъекций, а не создания среды. В этих условиях говорить про модернизацию можно лишь в том смысле, в каком Петр I водил свои потешные полки. Все это будет носить исключительно бутиковый характер, даже несколько карикатурный. В любом случае страна нуждается в очень серьезном, фундаментальном переосмыслении системы ценностей. Нужна идеология бизнеса, идеология развития, идеология модернизации.

Тандем: Неудачный эксперимент

Когда мы что-то оцениваем, самое тяжелое – это понять чужую точку зрения. Как правило, оценки даются каким-то экспертным сообществом, которое имеет определенный психологический настрой, и со своей высоколобой позиции они судят: удачно или неудачно, хорошо или плохо. И это проблема для политиков всего мира – если они пытаются угодить экспертному сообществу, то, как правило, проигрывают выборы. Потому что голосовать на выборах будут избиратели – а значит, к ним и надо апеллировать.

Иными словами, судить, насколько удачна или неудачна та или иная комбинация, довольно сложно, если не принимать в расчет все критерии. Ну например: судя по тому, как прошли выборы в Государственную думу, назначение Дмитрия Медведева премьер-министром было неудачным. Потому что «Единая Россия» под его руководством провела выборы таким образом, что нельзя назвать удовлетворительным все произошедшее потом. Но с позиции последовавших вскоре выборов президента, завершившихся оглушительной победой Владимира Путина, это выдвижение можно назвать более чем грамотным.

Формально ничто не мешало Медведеву избираться на второй президентский срок. Более того, в любой другой стране мира уход молодого успешного политика с должности президента в премьеры выглядел бы более чем странно. Но был ли Медведев успешным президентом?

Свой президентский срок он начал с создания комиссии по реформированию судебной системы и комиссии по борьбе с коррупцией. Именно при Медведеве в обществе раскрутилось мнение, что все прогнило насквозь. Тема, что коррупция проела государство сверху донизу, стала активно обсуждаться – сама власть вбрасывала ее в общество. Полицейская реформа, судебная реформа и борьба с коррупцией раскачали ожидания, но эффект к концу медведевского срока получился обратный.

Медведев объяснял, что не собирается устраивать компанейщину, что дело не должно ограничиваться публичным осуждением двух-трех коррупционеров, что нужно начинать системные преобразования – структурные, законодательные, – обрубающие возможности для коррупции. Но объяснения объяснениями, а у народа за четыре года правления Дмитрия Анатольевича возникло ощущение, что все вокруг воруют, причем воруют безнаказанно, – несмотря на реальные сдвиги в ситуации.

В России власти прощают все, кроме нерешительности. Когда мэра Москвы Юрия Лужкова отправили в отставку с формулировкой «за утрату доверия» (и все понимали, о чем идет речь), при этом последствия его отставки остались без уголовного преследования, без объяснения с народом – тем самым было проявлено крайнее неуважение к обществу и его ожиданиям.

А когда Лужков приехал в Москву в качестве свидетеля, что-то рассказал и уехал обратно, людям оставалось только гадать о мотивации: кто кого шантажирует, какие деньги в это вовлечены, какие откаты, кто чего боится? Сам собой напрашивался вывод, что, значит, у Лужкова есть какой-то компромат на высшее руководство страны, раз *они* ему *такое* позволяют. Ничего не поделаешь, так уж работает российская ментальность.

Большой проблемой оказались традиционные выступления Медведева, на которых он публично устраивал разнос своим подчиненным: министрам, губернаторам. В случае губернаторов такие выволочки худо-бедно приводили к замене действующего состава, но когда, например, в разгар скандала по поводу крышевания нелегальных казино в Подмоскovie к президенту были вызваны руководитель Следственного комитета Александр Бастрыкин и Генеральный прокурор Юрий Чайка, после чего все остались на своих местах, – это выглядело уже недопустимо.

Анатолий Сердюков, несмотря на очень позитивное начало военной реформы, в какой-то момент превратился в мини-Лужкова: первые шаги были здоровыми, а потом появилась жен-

щина. С должности Сердюкова сняли, но, как мы уже отмечали, проблема в том, что борьба с коррупцией без «посадок» в глазах народа выглядит ничтожной. Снял чиновника – посади его! И то, что Сердюков в итоге не оказался в тюрьме, страшно ударит теперь уже и по президенту Путину.

За несколько дней до выборов Медведев заявил, что за срыв гособоронзаказа нужно «увольнять и увольнять пачками». Ну так в чем же дело? Снимите уже! В другой раз он сказал: «При слове “таможня” хочется бросить микрофон в стенку», – и при этом микрофон не бросил. Но позвольте, это кто-либо из авторов данной книги может бросить микрофон в стенку, а у президента все-таки должны быть иные способы решения проблемы таможни! Что это – бессилие? Непонимание своих возможностей?

Все подобные примеры свидетельствуют об отсутствии системы решения такого рода проблем. Каждый раз используются персональные решения, ручное управление, кейсы и подкейсы, каждый раз все зависит от обстоятельств, каждый раз избирательно применяются политические правила. То ли люди, которые этим занимаются, некомпетентны, то ли им просто на все наплевать – что в глазах общества, по большому счету, одно и то же. А ведь речь идет о политическом руководстве России – таким образом, страдает и авторитет, и рейтинги, и отношение народа к высшим должностным лицам.

Кроме того, когда президент публично критикует подчиненных в Кремле, народ начинает подражать – раз ему можно, значит, можно и нам. При Медведеве началось активное заигрывание с «креативным классом» – как раз тогда появился этот термин, – причем, что характерно, именно эта прослойка обслуживала коррупцию в стране. Но, заигрывая с «креативным классом», Медведев не получил поддержки для себя, зато получил людей, не воспринимающих Путина и боящихся его возвращения.

Никогда нельзя приоткрывать дверку – это та ошибка, которую совершил один раз в России Михаил Горбачев. Когда заигрывают с либеральной интеллигенцией, каждый раз заигрываясь с гласностью и не контролируя процесс, получают неуправляемость. А ментальность россиян такова, что у нас неуправляемый процесс не бывает позитивным – он может быть только деструктивным.

В обществе есть понимание, что министры и губернаторы существуют только для выполнения президентской воли. Они государевы люди и обязаны делать то, что сказал президент, а не критиковать. Это политическая работа, за которую чиновники получают деньги. Если же министр не делает, губернатор возражает, а президент указывает им на их некомпетентность, и при этом не снимает с должности, то народ говорит: «Ну какие же это государевы люди – они свои интересы блюдут». Тогда зачем такой президент, который вопреки всему продолжает работать с людьми, которые с ним не согласны, да еще и не имеет права их снять? Значит, это фиктивный президент, который только греет место для другого.

Можно много говорить, что у Медведева были связаны руки. Но разве это аргумент, когда речь идет об успешности президента? В российской структуре власти президент – самый мощный политический игрок, выше него никого нет. Так уж написана наша Конституция. У Медведева был шанс – который так и остался нереализованным.

Сигналом, что второго шанса не представится, могли послужить два события. Об одном из них мы упоминали – это замена Владислава Суркова на Вячеслава Володина. Второе не так очевидно, но очень знаменательно. Помните фразу Медведева, что его слова «отливаются в граните»? Сказана она была в адрес Сергея Чemezова, руководителя корпорации «Ростех». Сказана публично, в страшном раздражении, предшествовали этому инциденту весьма любопытные аппаратные движения – Чemezов пропустил несколько встреч. А Чemezов – не самый последний человек в нашей стране, и по уровню влияния, и по близости к Путину. То есть Медведев, устроив эту прилюдную выволочку, притом в отношении человека, не находящегося

в его непосредственном подчинении, по большому счету, позволил себе нарушение корпоративных этических норм, а заодно противопоставил себя ближайшему окружению Путина.

Дмитрий Анатольевич за время своего президентства ухитрился рассориться с целым рядом принципиально важных экспертов. Кроме злополучной беседы с Чемезовым можно вспомнить и инцидент с Алексеем Кудриным. Видимо, на каком-то этапе Медведева подвело чувство реальности, он почувствовал себя более сильным президентом, чем являлся, и покусился на традицию, установившуюся в российском истеблишменте, что было воспринято крайне негативно. Не было и не могло быть президента Медведева без поддержки Владимира Путина и его команды, поэтому нападки Медведева закономерно были расценены как предательство.

Очень показательным стало интервью Никиты Михалкова, когда его в лоб спросили, за кого бы он пошел голосовать – за Путина или за Медведева. Это было еще до объявления о перестановке в тандеме. Никита Сергеевич пытался ответить дипломатично, но его в конце концов дожали и он сказал: «Ну что за вопрос, конечно, за Путина». «А Медведев?» – спросили его. «А Медведев – замечательный фотограф». Это, конечно, было большим упрощением. Дмитрий Медведев совсем не прост и не наивен, как многие почему-то считают. Это весьма опытный политик, и сбрасывать его со счетов никому не стоит...

Политический перформанс

По прошествии времени вся кампания, предшествовавшая выборам в Государственную думу 2011 года и президентским выборам 2012 года, выглядит как набор более или менее удачных импровизаций, в значительной степени связанных с личными желаниями и сиюминутными интересами того или иного члена партии или высокопоставленного чиновника. Этот набор экспромтов наглядно продемонстрировал интеллектуальную слабость подавляющего большинства политических сил, участвовавших в выборах, их политическую, психологическую и ментальную неподготовленность.

Слабость оппозиции проявилась даже в призывах: «Да не за нас голосуйте, голосуйте за кого угодно, только не за них!» Со всех сторон раздавались сетования на то, что вся политическая поляна зачищена и закатана катком – при том что в действительности сложно найти хотя бы одного крупного именно политического лидера, который был бы брошен в тюрьму или выслан за границу (многие, правда, считают таковым Ходорковского, однако его персоне все же в первую и главную очередь имеет отношение к экономике). Даже с достаточно по-хамски ведущей себя оппозицией власть обращалась более чем цивилизованно.

Что интересно – на фоне бурной активности общественной жизни, при явном запросе общества на новую политическую элиту, новые лица и новые аргументы, ничего подобного не возникло ни в официальной власти, ни в оппозиции. Не произошло этого и в обществе. При всем запросе на политическую активность новых людей, привлекающих внимание, можно было пересчитать по пальцам – это, скажем, Алексей Навальный или Евгения Чирикова.

Казалось бы, при таком ожидании перемен гражданское общество должно было вырастить из себя тысячи Навальных и десятки тысяч Чириковых, которые давили бы на власть на местах, решая свои узкие, локальные проблемы в масштабе широких политических задач. Но этого не произошло. Массовое желание модернизации и обновления привело к структуризации некоторых общественных интересов, но натолкнулось на отсутствие новых политических партий, которые могли бы эти движения оформить. Запрос на обновление остался нереализованным.

Неоднократно звучали и классические для России восклицания: «Неужели нельзя найти, неужели нельзя воспитать, а вот партия, а вот власть не дает...» Но это же абсурд! Попробуйте представить себе картину, как власть что-то дает Владимиру Ильичу Ленину, Джавахарлалу Неру или Махатме Ганди, ласкает их и гладит по голове. Или представьте революционную партию большевиков, идущую на поклон к Николаю II – пожаловаться ему, что один из его подчиненных ведет себя плохо и не дает партии развиваться и вмешиваться во внутренние дела страны. Не получается, правда? Все эти примеры призваны проиллюстрировать простую мысль: как система гражданское общество в России до сих пор не сложилось, и об этом мы еще поговорим позже.

Пожалуй, кульминацией странностей поведения перед выборами 2012 года стал инцидент в спорткомплексе «Олимпийский» после боя Федора Емельяненко и Джеффа Монсона, когда Путина, вышедшего на ринг, чтобы поздравить Емельяненко с победой, якобы освистали. Притом не столь важно, было на самом деле это освистывание или нет, – важна реакция, которая последовала за случившимся.

Оппозиция исступленно уверяла себя и всех вокруг, что свист был, и эта исступленность, как часто бывает у российской оппозиции, начала приобретать форму какого-то массового идолопоклонничества. В интернете началась буквально истерика – гипотетический свист расценивался чуть ли не как выстрел «Авроры». Пожалуй, еще со времен хрущевской «оттепели» свист и крик воспринимаются как нечто всеобъемлющее и всепобеждающее: кажется, что, если выбежать на площадь и громко крикнуть – страна от этого непременно изменится.

Иными словами, разумная осознанная политическая борьба подменяется каким-то перформансом. Неожиданно оказалось, что в постмодернизм поверили не только некоторые кремлевские чиновники, но и вся оппозиция в целом, считающая, что эффектный жест способен разрушить систему.

То, что перформанс заменяет реальную политику, – вообще главный итог последних десятилетий российской общественной жизни. Если чего-то нет в телевизоре или если это что-то не получается сделать зрелищным, эффектным, драматическим, воздействующим на массы – значит, этого попросту нет в природе. Театрализованное представление заменяет нормальную рутинную политическую работу. Наверное, если бы герой сказок и былин Илья Муромец руководствовался в своих действиях таким принципом, он был бы уверен, что для сражения со Змеем-Горынычем достаточно показать ему голую задницу – тогда уж у чудовища точно не было бы другого выхода, кроме как моментально убежать в панике.

Здравый смысл, впрочем, подсказывает, что для борьбы с любым реальным противником перформанса явно недостаточно, как с одной, так и с другой стороны, – однако взаимное «показывание задниц» перед выборами приобрело какие-то титанические масштабы. Чего стоило одно из высказываний «Эха Москвы»: «Вчера Владимир Путин не появился на мероприятии в Петербурге, где все равно свистели». Хочется спросить: а где еще должен был не появиться Путин, где тоже свистели? Это как-то не пришло в голову корреспондентам. В стране все время где-то свистят, а Путин там не появляется. Можно подумать, что свист каким-то волшебным образом изгоняет неугодных политических лидеров.

Реакция власти тоже удивила. Если у оппозиции было страстное желание считать свист в «Олимпийском» исключительно знаком осуждения, то власть не менее страстно доказывала, что это исключительно знак одобрения. По большому счету, там вообще нечего было комментировать: какая разница, свистели зрители или не свистели? Ведь на самом деле ничего страшного в свисте нет. Любой политик должен знать, что его могут освистать. Западных политиков освистывают чуть ли не каждый день, и это абсолютно нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.